

ПОЛЯКОВ К. И.

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ АКЦЕНТОЛОГИЯ ПЕРСИДСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Фонетическая характеристика и место ударения в слове

Общеизвестна неоднозначная трактовка в научной литературе фонетической природы русского словесного ударения. Согласно традиционной точке зрения ударение в русском литературном языке определяется как динамическое (силовое): гласный в ударном слоге — самый сильный и воспринимается на слух как самый громкий. Несмотря на то, что эта точка зрения не нашла подтверждения в объективном (инструментальном) анализе, до сих пор ее разделяют многие лингвисты [1—4]. На основании данных экспериментально-фонетических исследований было доказано, что ведущим компонентом в акустической картине русского ударения выступает не интенсивность, а большая длительность гласного ударного слога в сравнении с длительностью гласных безударных слогов [5—7]. Наряду с этим можно встретить и компромиссную точку зрения, в соответствии с которой во внимание равным образом принимаются обе характеристики, и поэтому ударение определяется как квантитативно-силовое [8—10].

По результатам нашего эксперимента в маркировании ударного слога отдельно произнесенного персидского слова принимают участие также как минимум две ОФХ¹: частота основного тона и интенсивность, между которыми нередко устанавливаются сложные взаимокompенсирующие отношения [11]. Вместе с тем полученные данные свидетельствуют о том, что предпочтение следует отдать мелодическому компоненту, поставив на второе место компонент силовой. Это до известной степени согласуется с результатами экспериментального исследования, проведенного В. Б. Ивановым. Он определял частоту основного тона в качестве ведущей характеристики в структуре словесного персидского ударения. Такой вывод был сделан им благодаря рассмотрению акцентной природы персидского слова в потоке речи [12].

Персидский язык в отличие от русского относится к типу языков со связанным, фиксированным ударением. За некоторыми исключениями, речь о которых пойдет ниже, во всех знаменательных персидских словах, представляющих словарные, ф о н о л о г и ч е с к и е единицы, ударение приходится на последний слог слова. Фиксированность ударения хорошо видна из следующих примеров: *мадър* «мать», *фэршад* «ангел» (имя сущ.); *сэфид* «белый», *нируманд* «сильный» (имя прилаг.); *рафтân* «идти», *авордân* «приносить» (инфинит. глаг.); *панздâh* «пятнадцать», *дâ-ваздâh* «двенадцать» (колич. числит.); *анһа* «они», *шомâ* «вы» (местоим.); *дорост* «правильно», *бэзудй* «вскоре» (нареч.) и т. п. Все эти слова, независимо от слогового состава и принадлежности к той или иной части речи, получают ударение на последнем слоге [13]. Примеры с данной слоговой протяженностью, характеризующиеся одним наконечным ударением, выбраны не случайно, ибо значительную часть персидской лексики составляют дву- и трехсложные слова. При той же или увеличенной слоговой длине в словах, образованных способом словосложения или в соответствии с некоторыми моделями полуаффиксации, закономерно появле-

¹ ОФХ — основные физические характеристики: частота основного тона, длительность и интенсивность.

ние одного и более второстепенных (слабых) ударений, приходящихся на разные части слов, однако главное (сильное) ударение по-прежнему будет падать на их последний слог. Например, *чърпá* «четвероногий», *тáндорбст* «здоровый», *бáшáрдустí* «гуманизм», *бэзиробэбáнд* «облава», *фáра-мáшáммáкóн* «незабудка», *шотóргáвпáлáнг* «жираф». Наконец, иностранные слова, отличающиеся от персидских слов по месту ударения, изменяют его после заимствования в персидский язык, приспособляясь к новой акцентно-ритмической системе. К примеру, русское слово *дрóжки*, став персидским, звучит как *дорóшкэ* с ударением на последнем слоге.

Небольшое число исконно персидских и заимствованных преимущественно из арабского языка слов имеют ударение не на последнем слоге. Это наречия, модальные слова, союзы, частицы и междометия. Например: *хáй-ли* «очень», *фóурáн* «немедленно», *háтмáн* «обязательно», *кáммáлáн* «полностью», *áлбáттэ* «конечно», *лáбод* «непрерывно», *áгáр* «если», *вáли* «но, однако», *бáлкэ* «но, даже», *áйа* «разве», *мáгáр* «разве, ли», *áфáрин* «браво!». По месту ударения к этому разряду близки префиксальные и сложные глаголы. Однако отличие состоит в том, что префиксальные глаголы, будучи по структуре и функционированию сложнопроводными словами, а сложные глаголы — фразеологизмами [14], помимо главного ударения на префиксе или именной части глагола, т. е. опять-таки приходящегося не на последний слог, имеют второстепенное ударение. В итоге рассматриваемая глагольная лексика по своим акцентным признакам сближается одновременно и со сложными словами. Например: *дáр амитáн* «смешивать», *бáр хастáн* «вставать», *háрф áдáн* «разговаривать», *дáрс хáндáн* «учиться».

Не получают ударения следующие служебные слова и частицы: а) предлоги и послелог *-ра*; б) артикль *-и* и изафетный показатель *-э*; в) краткая форма глагола — связки и местоименные энклитики в ед. числе; г) подчинительные союзы *ке*, *че* «что, чтобы, который»; д) соединительный союз *вá* (о) «и» и усилительные частицы *háм* «также, тоже», *ке* «же, ведь».

Таким образом, у основного массива словарной лексики, представляющей номинативный фонд персидского языка, акцентологически релевантной оказывается последняя часть слова, его последний слог, иначе говоря, персидское фонологическое слово характеризуется о к с и т о н и м у ударением. В противоположность этому в русском языке ударение свободное. Оно может падать как на любой слог, так и на любую часть слова.

Фиксированное и одностепенное персидское ударение, маркирующее словарные единицы, получает некоторые признаки подвижности и относительной разноместности в потоке речи, в ф о н е т и ч е с к и х словах. Известно, что подвижность ударения связывают с двумя аспектами структуры слова, т. е. с его способностью члениться на слоги и морфемы. Если, оставаясь связанным с одной и той же морфемой, ударение в процессе формообразования слов переходит с одного слога этой морфемы на другой, не выходя за ее пределы, то говорят о фонологической подвижности (разноместности) ударения. Если же оно при аналогичном процессе пометает разные грамматические формы одного и того же слова, т. е. приходится на разные морфемы, то такую подвижность ударения называют грамматической. Есть языки (и к их числу относится русский), в которых ударение наряду с фонологической наделено свойством и грамматической подвижности. Наш анализ слоговой и морфемной структуры персидских фонетических слов показал, что с русским языком здесь наблюдается больше различий, чем сходства.

Персидское ударение характеризуется признаками ограниченной грамматической подвижности и относительной фонетической подвижности (разноместности). Действительно, только у некоторых персидских слов в потоке речи разные грамматические формы одного и того же слова получают разные ударения. Этот круг ограничен формами ед. — мн. числа в классе имен существительных и перфекта — имперфекта в классе глаголов, о чем мы скажем отдельно в связи с фонетической подвижностью ударения. Приве-

дем примеры на формы имен существительных. Слова *диwár* «стена» и *дўст* «друг» в ед. числе во всех формах имеют ударение на корневой морфеме (*диwári* «какая-то стена», *дўсти* «какой-то друг», *диwárра* «стену», *дўстра* «друга»), а во всех формах мн. числа — на окончании (*диwárhá* «стены», *дустán* «друзья»; *диwárháii* «какие-то стены», *дустáni* «какие-то друзья»; *диwárhára* «стены», *дустánра* «друзей»). Исходя из этого и принимая во внимание тот факт, что все словарные единицы, имея окситонное ударение, акцентно никак не индивидуализированы, подвижность персидского ударения следует трактовать исключительно в плане грамматики, но не лексик.

Будучи ограниченно грамматически подвижным, оно вместе с тем совершенно не является фонологически подвижным (разноместным), так как никогда в процессе словоизменения не перемещается с одного слога на другой в пределах одной и той же морфемы. Однако благодаря присоединению к знаменательным словам безударных элементов (артикля *-и* и послелога *-ра*) на правах энклитик ударение, оставаясь связанным с одним и тем же слогом, как и в исходной форме, относительно перемещается с конца в глубь слова на один слог, становясь парокситонным: *кетáb* — *кетáби* «книга — какая-то книга»; *нэзамí* — *нэзамíра* «военный — военного». Это позволяет определить его не как фонологически, а как фонетически относительно подвижное (разноместное) ударение.

Грамматическая и фонетическая подвижность (разноместность) ударения действует не только в сфере именного, но и в сфере глагольного формообразования, притом с ограничениями, на которых необходимо заострить внимание, ибо они помогают высветить важную и своеобразную сторону персидской акцентологии.

Дело в том, что при словоизменении в классе глагольной лексики ударение, переходя с одной морфемы на другую в пределах разных форм одного и того же слова, необязательно оставляет после себя безударный слог. В значительном числе случаев ударенность последнего не исчезает полностью, иначе говоря, слог, имевший главное (сильное) ударение, модифицируется в слог с второстепенным (слабым) ударением, и, стало быть, прежняя форма не теряет совершенно свою акцентную оформленность и выраженность. Например: *дидám* — *нáдидám* «(я) видел — не видел» в положительной форме ударение падает на основу глагола, в отрицательной — на приставку *-нá*. При смене места ударения бывший ударный слог основы становится безударным. В другом же случае, в глагольных формах *мíнэвисím* — *нэмíнэвисím*² «(мы) пишем — не пишем», в положительной форме главное ударение приходится на приставку *-ми*, в отрицательной — тоже на приставку *-нá(э)*, но разница в сравнении с первым случаем состоит в том, что сильное ударение на приставке *-ми* не исчезло в полном образовании, а трансформировалось в слабое, второстепенное ударение. Свойство грамматической подвижности ударения ограниченно проявляется всякий раз при спряжении глаголов, например, в настоящем-будущем времени, в имперфекте (в обеих формах) и т. п., что неизбежно ведет к появлению вместо сильных слабых ударений, число которых еще более возрастает за счет второстепенных нафлексивных ударений. В результате этого словоизменяемые формы от простых и особенно — от префиксальных и сложных глаголов имеют по два и более ударений, что можно видеть из следующих примеров: *миáворáнд* — *нэмíáворáнд* «(они) приносят — не приносят»; *бáйáд бэнэвисím* «вы должны писать»; *бáр хáстим* «(мы) встали»; *дáр миáворáм* «(я) вынимаю»; *дáрс нэмíхáнáнд* «(они) не учатся».

Таким образом, из сказанного следует, что морфологическая роль персидского ударения в целом выражена весьма слабо. По этому поводу Р. И. Аванесов писал: «...в языках с фиксированным местом ударения последнее не может быть средством различения грамматических форм» [16,

² Об акцентной выделенности префикса *-ми* не только в положительной, но и в отрицательной глагольной форме на материале языка дари см. в работе Л. Н. Киселевой [15].

с. 22]. Отсюда фиксированное (неподвижное) и одноместное персидское ударение как характерный признак словарной лексики наделяется, согласно нашим выводам, свойствами только ограниченной грамматической и относительной фонетической подвижности (разноместности) для фонетических слов и других единиц речевого потока. Не только по слоговой, но и по акцентной структуре фонетическая природа лексической единицы неадекватна ее фонологической природе. Эти особенности персидского языка следует учитывать при анализе некоторых существенных сторон его ударения. Так, например, рассматривая акцентные структуры трехсложных персидских лексем с ударением на первом слоге (модель — — —), А. Б. Мамедова включает в один разряд и слова типа *kámáylán* «полностью», и слова типа *dústira* «какого-то друга» [17]. Между тем понятно, что в первом случае ударение характеризует фонологическое слово; поскольку последнее акцентологически никак не изменяется в речи, то, стало быть, — то же ударение относится и к его фонетическому аналогу. Во втором же случае ударение характеризует только фонетическое слово, так как между словарной единицей *dúst* и ее речевой формой *dústira* в этом плане есть определенная разница. Однако потому, что ударение в слове *dústira* не перемещалось ни в пределах одной морфемы, ни между морфемами в сравнении с исходной формой, а лишь «сдвинулось» в начальный слог относительно других слогов из-за присоединения безударных элементов в виде артикля -и и послелога -ра к исходу слова *dúst*, функционирующего в речи, такое ударение мы называем относительно фонетически подвижным. Неразличение акцентных особенностей разноплановых единиц (в данном случае лексемы и лексы) приводит к неправильному выводу о том, что в персидском языке ударение подвижное и разноместное.

Смыслоразличительная функция словесного ударения

Фиксированность и одноместность персидского ударения существенно ограничивают или полностью лишают его способности быть средством различения как разных полнозначных слов, так и их грамматических форм. Сравнение с русским ударением показывает, что, в отличие от персидского, оно индивидуализирует каждое слово (*мужчина, женщина*) и каждую форму слова (*любовь, любви*) в том смысле, что все они получают различающееся, не совпадающее по месту ударение. Дифференцируя слова и грамматические формы слов, русское ударение относится и к лексике, и к грамматике [18]. Или, если быть более точным, то в последнем случае — «...к грамматическому оформлению данного слова... к сфере лексики в ее грамматическом аспекте» [16, с. 37]. Напротив, в персидском языке ударение не является лексически различительным средством, так как, маркируя последний слог всех слов, никак не индивидуализирует эти слова. Сужены и его формообразовательные функции. Нерегулярно передвигаясь в разных формах данного грамматического типа слов, оно акцентно выделяет весьма ограниченное число парадигм, которые однотипны по месту ударения и потому не противопоставляются каким-либо другим парадигмам (имеем только ед. — мн. число имен существительных; в основном — только положительные — отрицательные глагольные формы).

Не относясь ни к сфере лексикологии, ни к сфере словоизменения, персидское ударение не относится и к сфере словообразования. Несмотря на то, что при образовании новых слов оно передвигается с производящей основы на словообразовательный аффикс, назвать его в полной мере подвижным словообразовательным ударением нельзя. Подвижное ударение следует понимать «...в более широком значении — в пределах *г р у п п ы* *с л о в* (в разрядка наша. — П. К.), объединенных живыми, обычно продуктивными словообразовательными связями, т. е. передвижение ударения с одного слога на другой в группе слов, имеющих общий корень» [16, с. 33]. В русском языке одна словообразовательная группа отличается от другой не только аффиксами, но иногда и местом ударения (*корень — коряга — корешок; грёбень — грёбенка — грёбешок*).

В персидском языке независимо от моделей аффиксации, типа и структуры аффиксов — в любом случае ударение либо относительно неподвиж-

но, иначе говоря, остается на прежнем месте (если это префиксация), либо перемещается с последнего слога производящей основы на последний слог аффикса (если это суффиксация), т. е. так или иначе оно приходится на последний слог производного слова (*vātan*, «родина» — *hām-vātan* «соотечественник»; *kudāk* «ребенок» — *kudākī* «детство» — *kudākānē* «детский»).

Следовательно, невозможно выделить отдельные словообразовательные группы, которые, отличаясь друг от друга аффиксами, одновременно отличались бы и местом ударения. Одноместное при лексической дифференциации и неподвижное при словоизменении, персидское ударение оказывается также неподвижным и при словообразовании. Эти свойства не могли не повлиять на ограничение его семантико-морфологической роли, и, в частности, на способность выступать единственным дифференциальным признаком слов, различающихся по семантике, но идентичных по своей графической оболочке. В подобных случаях функции ударения аналогичны функциям, которые выполняют фонемы в составе слова. Это доказывается, во-первых тем, что ударение надстраивается не над одним слогом, но в целом над всем словом, и, во-вторых, тем, что два слова (или две формы одного слова), различающиеся местом ударения, при последовательном, «линейном» членении на кратчайшие звуковые единицы — фонемами — оказываются всегда отличающимися друг от друга не одним, а двумя я (разрядка наша. — П. К.) признаками [16, с. 38], что следует, к примеру, из таких пар слов:

$\begin{vmatrix} \text{м} & \text{ý} & \text{к} & \text{а} \\ \text{м} & \text{у} & \text{к} & \text{а} \end{vmatrix}$	$\begin{vmatrix} \text{т} & \text{ý} & \text{ш} & \text{и} \\ \text{т} & \text{у} & \text{ш} & \text{и} \end{vmatrix}, \begin{vmatrix} \text{з} & \text{á} & \text{м}' & \text{о} & \text{к} \\ \text{з} & \text{а} & \text{м} & \text{ó} & \text{к} \end{vmatrix}$
--	---

Последние, представляя собой слова-омографы, различаются только благодаря свойству *разноместности* ударения. Обладая этим свойством, оно способно дифференцировать два слова, формы двух слов, наконец, слово и форму другого слова. Согласно результатам экспериментального исследования, проведенного А. Б. Мамедовой, ударение в персидском языке как фонологическое средство используется для различения двух слов, слова и словоформы и двух словоформ [17]. Наш анализ показал, что свойство разноместности, которое делает ударение индивидуальным признаком отдельного слова и лежит в основе дифференциации семантики слов, идентичных по своим формальным признакам, не используется в персидском языке в отношении двух знаменательных слов в силу того, что по месту ударения они однородны, но не индивидуальны. Не встречается двух созвучных знаменательных слов, отличающихся лишь местом ударения, но встречаются созвучные знаменательные слова с незнаменательными, также отличающимися от них по месту ударения (ср.: *zámok* — *zámok* — в русск. яз. с *váilī* — *váili* «властитель» и союз «но»; *guyā* — *gūya* «говорящий» и «как будто» — в перс. яз.). Для персидского языка характерна созвучность слова и его словоформы, слова и словоформы другого слова, слова и другого слова, оформленного, например, местоименной энклитикой и т. п. В персидском языке по двум признакам различаются слова типа $\begin{vmatrix} \text{д} & \text{ý} & \text{с} & \text{т} & \text{и} \\ \text{д} & \text{у} & \text{с} & \text{т} & \text{и} \end{vmatrix}$ «какой-то друг» — «дружба» или $\begin{vmatrix} \text{м} & \text{á} & \text{h} & \text{и} \\ \text{м} & \text{а} & \text{h} & \text{и} \end{vmatrix}$ «какой-то месяц» — «рыба», но не слова типа *žárkoe* — *žarkbe*, присущие русскому языку. Семантико-морфологическая роль персидского ударения проявляется в следующих случаях:

а) при совпадении оболочек имени прилагательного или имени существительного с глагольной формой: *nátárs* «смелый» и *nítárs* «не бойся»; *bádāhi* «долг» и *bádāhi* «дашь»; *nāsūz* «огнестойкий» и *nāsuz* «не гори»;

б) при созвучии имени существительного или имени прилагательного с формой другого имени существительного: *māhi* «рыба» и *māhi* «какой-то месяц»; *bimārī* «болезнь» и *bimāri* «какой-то больной»; *sarī* «заразный» и *sāri* «какой-то скворец».

Следовательно, совпадение двух различающихся лишь ударением слов возможно только тогда, когда: 1) одно слово остается неизменным по звучанию, в том числе и по месту ударения, другое же, изменяясь по форме,

меняет и первоначальное место своего ударения; 2) одно слово также остается неизменным по всем формальным признакам, а другое, соединяясь с безударными элементами (артикли и т. п.), место своего ударения меняет.

Таким образом, в отличие от русского ударения, не свойство лексической разноместности, но свойство ограниченной грамматической подвижности и относительной фонетической разноместности делают персидское ударение фонологичным.

Морфемный характер персидского ударения

Одна из главных задач рассмотрения ударения в морфонологическом аспекте состоит в том, чтобы определить роль и соотношение различных видов ударения в системно-акцентной организации звучащей речи, а также степень использования каждого вида ударения с целью выделения фонетических единиц в потоке речи. Уровень выделенности гласного в ударном слоге и соответственно уровень невыделенности (или редукции) гласного в безударном слоге независимо от того, будут ли определяться эти уровни по отношению к среднему уровню самих гласных или гласных фонетического контекста, в конечном итоге регулируются закономерностями вокализма данного языка.

Свойство всех персидских гласных сохранять свою качественную определенность (а устойчивых гласных — до известной степени и долготную определенность), не редуцируясь как в ударном, так и в безударном слоге, составляет характернейшую черту вокализма персидского языка, что коренным образом отличает его от вокализма русского языка. Присущие русской речи ярко выраженные процессы количественной и качественной редукции безударных гласных вызываются сильноцентрализованностью русского ударения — свойством, которое находится в непосредственной связи со свойствами его фонологической подвижности и разноместности. Сильноцентрализованность ударения ведет к редукции безударных слогов; фонологическая же подвижность, обеспечивая чередование ударности и безударности слога либо в формах того же слова, либо в однокоренных словах, позволяет различать редуцированные гласные. «Таким образом, сильноцентрализованность русского ударения, выражающаяся в редукции неударных слогов, компенсируется его фонологической подвижностью (разрядка наша. — Л. К.), выражающейся в чередовании „сильных“ и „слабых“ вариантов гласных фонем» [19]. Русский ударный слог резко выделяется по сравнению с неударными слогами, гласные которых в связи с этим редуцируются в различной степени. Если выразить в числах изменения каждого безударного гласного, начиная от ударного (степень редукции равна 0), то получим следующий ряд взаимосвязанных цифр: 2—1—0—2. Редуктивная модель русского слова строится по принципу затухающей динамичности и долготы: чем дальше безударный слог отстоит от ударного, тем больше он редуцируется. Схематически эту связь можно изобразить так: (ooO)или иначе: (ooOo), где O—ударный, а o, o — безударные слоги. Но в любом случае русское ударение, выделяя ударный слог, подчиняет ему безударные слоги и, стягивая их вокруг него, цементирует звуковую оболочку слова в законченное самостоятельное единство, выделяемое в целом на акустическом уровне. В русском языке акцентная структура фонологического слова совпадает с акцентной структурой слова в потоке речи.

В персидском языке наблюдаются диаметрально противоположные процессы. В соответствии с законом качественной определенности гласных и, следовательно, при «противопоказании» на редукцию для любого гласного, в том числе и находящегося в безударном слоге, должны быть созданы такие условия, чтобы и этот последний также выступал в своем полном или незначительно измененном по ОФХ виде. Но подобные условия можно создать только путем относительной «выделенности» безударных слогов. С учетом указанных особенностей для персидского слова должна быть характерна тенденция к сохранению каждым слогом своей определенной самостоятельности, относительной «выделенности» среди других слогов, но

не тенденция к сильной подчиненности безударных слогов ударному слогу, приводящая к «плотному цементированию» всех слогов в единое фонетическое целое, как это мы наблюдаем на примере русских слов. В русском языке стабильность акустических характеристик гласных в сильных позициях поддерживается за счет ослабления тех же характеристик гласных в слабых позициях. Создается качественное противопоставление ударных и безударных слогов, о чем в свое время писал акад. Л. В. Щерба [20]. В персидском языке выделенность гласных в ударном слоге регулируется по относительной выделенности гласных в безударном слоге. Создается определенное количественное противопоставление, не приводящее к потере звукового качества.

Сильноцентрализующее, нефиксированное и разноместное русское ударение через выделенность, сильную «отставку» [21] ударного слога и «сжатие» редуцированных слогов вокруг него направлено на формирование монолитного целостного звукового комплекса в виде слова, которое индивидуализируется благодаря ударению. Слабоцентрализующее, фиксированное и одноместное персидское ударение через слабую «отставку» ударного слога с параллельной относительной «выделенностью» передеруцируемых в качественном отношении других слогов направлено на расшатанность целостного звукового единства в виде слова, индивидуальным признаком которого это ударение никогда не становится. Но «выделенность» и «отставка» одного слога среди других слогов в принципе возможны при получении каждым слогом своего отдельного ударения. Схематически эту связь между слогами можно изобразить так: 000 или так: 0000. Действительно, в персидском языке такая тенденция имеет место, а именно: чем длиннее по числу слогов становится слово (например, в результате словообразовательных или словоизменительных процессов) и, следовательно, чем больше вероятность возникновения редуцирующих процессов в неударных слогах, тем больше возрастает вероятность появления второстепенных (побочных) и разноместных ударений. Для наглядности приведем несколько примеров. Словообразование: *māsk* «маска» (один слог — одно ударение); *māsk-e-zāddagā* «противогаз» (пять слогов — три ударения); *māsk-e-zāddagā-sāz* «пготовитель противогазов» (шесть слогов — четыре ударения). Словоизменение: *dārs khāndī* «учиться» (три слога — два ударения); *dārs bāxānīd* «учиться» (четыре слога — три ударения); *dārs nāmīxānīd* «(они) не учатся» (пять слогов — четыре ударения) и т. п.

В плане системного анализа при известном допущении сходства фонологических слов русского и персидского языков их фонетические слова имеют мало общего по своим акцентным свойствам. В русской речи потеря четкой артикуляторной локализации акцентно не выделяемых слоговых элементов с последующей редукцией их физических характеристик в интересах центрального, акцентно выделяемого слогового элемента в границах актуализирующегося фонологического слова не приводит к «распаду» последнего и формированию на его основе фонетического слова, принципиально отличного в структурном и акцентном отношении от своего фонологического аналога. В русском языке сильные системно-организующие функции ударения проявляются по отношению к слову. Такие свойства ударения мы называем *центрообъемными*. В персидской речи в процессе актуализации фонологического слова наряду со слоговой перестройкой происходит его акцентная модификация в том смысле, что при слабоцентрализующем словесном ударении каждый слоговой элемент с целью сохранения определенности своих физических характеристик стремится получить известную «выделенность» и независимость от центрального слогового элемента, что в конце концов приводит к расшатанности единства фонетического слова, которое поэтому ни по структурным, ни по акцентным признакам не остается речевым аналогом фонологического слова. В персидском языке сильные системно-организующие функции ударения проявляются не по отношению к слову. Такие свойства ударения мы называем *центробежными*.

Итак, ни фонетические, ни морфологические факторы не способствуют тому, чтобы в звуковой цепи персидское ударение смогло бы выполнить

свои словесные акцентоорганизующие функции. В потоке речи персидские слова, модифицируясь акцентно в интересах других более крупных речевых единиц (синтагм и фраз), располагаются по принципу известной автономии слогов, что при существующих изоморфных отношениях между слоговыми и морфемными цепями (в плане «речь — язык», как известно, слог соотносится с морфемой), с одной стороны, и тенденции на расшатанность структурного единства слова, с другой, дает основание говорить об определенной самостоятельности морфемы в составе слова и морфемном характере ударения в персидском языке.

Правомерность обоих этих положений требует, однако, более глубокой и всесторонней аргументации.

Исследуя проблемы структуры, отдельности и целостности слова на материале немецкого языка, С. И. Бернштейн [22] пришел к выводу, что свойства расшатанности единства слова и определенной самостоятельности морфемы обнаруживаются в целом ряде явлений, которые, по нашему мнению, носят универсальный характер. Эти явления следующие:

а) отделяемость приставок при спряжении; в персидском языке наряду с отделением приставок и появлением формообразующих аугментов в виде морфем в позиции между приставкой и корнем спрягаемого глагола (*bār* / + /*xast*ʔn «вставать» *bār* / + /*mī* / + /*xizā*m «я встаю», *bār* / + /*xazā*m / + /*xast* «я встану») наблюдаются случаи нарушения целостности сложных союзов (*zāmānike* → *zāmāni* / + /*ke* → *zāmāni mīāyīm ke u bār mīgārdād* «я тогда приду, когда он вернется») и отделяемость постпозитивного артикля единичности от существительного с присоединением его к исходу прилагательного (*sāgi* «одна, какая-то собака»; *sāz-ē xubi* «одна, какая-то хорошая собака»);

б) легкость к образованию сложных слов; персидское словообразование вместе с широко представленными самыми разнообразными моделями словосложения (детерминативы, копулятивы и сравнения) характеризуется, кроме этого, особым словообразовательным способом, так называемой полуаффиксацией, которая «...по своей сущности является промежуточным типом, соединяющим в себе... черты двух главных способов словообразования в персидском языке — аффиксации и словосложения» [23, с. 96], и которую благодаря практически безграничному числу средств, легкости образования простых и сложных форм, функциональной значимости и занимаемому месту в системе словообразования можно поставить в один ряд с главными словообразовательными способами;

в) сильный приступ начального гласного в слове, в приставочной или корневой морфеме внутри слова; анализируя фонетическую природу гортанного смычного согласного ('(айна) или «хамзы») и гортанного приступа, который трактовался нами в качестве его варианта, мы нашли, что в гласных абсолютного начала персидских слов, но особенно на словесных интервокальных стыках, в том числе и приставочной морфеме с корневой, достаточно регулярно появляется этот гортанный приступ; в частности, в инструментальном анализе было выявлено, что в зависимости от качества гласного и типа сочетаний он имел длительность по средним значениям от 18 до 25 мсек в начале слова и от 40 до 116 мсек в интервокальном стыке;

г) наличие второстепенных и равновесных ударений; о появлении все возрастающего числа побочных (второстепенных) ударений по мере увеличения длины и глубины персидских слов в результате словообразовательных и словоизменительных процессов уже было сказано; что касается равновесных ударений, то их, очевидно, следует ожидать в некоторых типах сложных слов — таких, как *fārajušāyīmān* «незабудка», *zandē bē gūr* «заживо погребенный» или в некоторых личных формах от сложных глаголов, как-то: *nāhār mīxorānd* «(они) обедают»;

д) участие морфологического фактора в слоговой делении, т. е. совпадение слогового и морфемного деления; известно, что в русских словах встречаются разносложные приставки, имеющие в исходе как гласный, так и согласный звук; слоговой

шов всегда совпадает с морфемным в приставках, оканчивающихся на гласный; он может совпадать, если приставка оканчивается, а корень начинается на согласный, и не совпадает, если приставка оканчивается на согласный, а корень начинается на гласный (например, *разы* / + *игра́ться*, но не *раз* / + *игра́ться*); в персидском языке все продуктивные префиксы — односложны, и ни при каких условиях в них не допускаются несовпадения слогового шва с морфемным, — даже при наличии условий, идентичных вышеописанным, т. е. возможно только *дār* / + *авордāн*, где *дār* — префикс и *авордāн* — основа, но невозможно *дā* / + *равордāн* или *дāra* / + *вордāн* «вынимать»; на суффиксально-корневом стыке совпадения не имеют места, когда суффикс начинается на гласный, корень (основа) же оканчивается на согласный (*зур* / + *āки* «насилно» — морфемный шов; *зурā* / + *ки* — слоговой шов), однако таких суффиксов по сравнению с суффиксами с консонантным началом значительно меньше, поэтому и в исходе слов границы между слогами и морфемами чаще совпадают, чем не совпадают;

е) чередование звонких и глухих согласных на конце слога, что лишает их роли показателя исхода слова; в исходе персидского слога (морфемы) и слова отмечается частичное и реже — полное оглушение (к примеру, *мāрз*³ «граница» и *мāрзбан* «пограничник» — частичное оглушение; *āсб*, «лошадь» и *āсбдāвани* «скачки» — полное оглушение)³.

На основании данных нашего экспериментального исследования фонетических процессов и явлений в межморфемных стыках [24] мы пришли к выводу, что к признакам, выделенным С. И. Бернштейном, необходимо добавить еще два. На определенную самостоятельность морфемы и распатанность единства слова указывают в том числе:

ж) более сильная маркировка морфемных границ по сравнению со словесными границами; изучение интервокальных (V + j + V) и интерконсонантных (CC + э + C) морфемных швов и стыков персидских слов показало, что вставочные явления (эпентезы j и э), выступая в роли межморфемных положительных фонематических пограничных сигналов (дьерем), усиливаются по ОФХ в потоке речи при более тесной спайке стыкующихся морфем относительно своего исходного состояния (отдельно взятое слово); в то же время идентичные эпентезам согласный j (в исходе слов) и гласный э (в изафетных конструкциях), выступая в роли сигналов словесных границ, при наличии сопутствующей им межсловесной паузы не только не усиливаются по тем же параметрам в потоке речи относительно своего исходного состояния (отдельно взятое словосочетание), но, напротив, имеют тенденцию к ослаблению, к изменению в количественном и в ряде позиций — в качественном отношении (полная редукция в ауслауте слова); более того, словесные границы иногда вообще исчезают, происходит слияние контактирующих слов в одно целое, например, (/y/ašna/āst/ → /y/ašnašt/ «он — знакомый»);

з) однородность фонетических процессов в исходах слов и морфем (например, позиционно-комбинаторное оглушение звонких согласных, речь о котором шла выше — см. пункт «е»), что приравнивает в этом отношении слова и морфемы между собой и позволяет объяснить, в частности, такое специфическое для персидского языка явление, как транслокализация морфем — свойство последних меняться местами в составе слова, не приводя к изменению его смысла (*бādērd* и *ērdēbād* «вихрь»; *сфидрийш* и *рийсфид* «староста» и т. п.); однородность данных процессов и явлений еще не означает, однако, что они равным образом используются как дьеремы и слов, и морфем; это следует из того, что если модификации акустических признаков одинаковы по своей природе в стыковых позициях языковых единиц, различающихся по своим уровням, то во всяком случае как пограничные сигналы они принадлежат единицам низшего уровня, т. е. в данном случае с и г н а л и

³ Знаком ³ под согласным обозначается его оглушение.

зируют только о морфемных швах, но не о словесных стыках.

Итак, в персидском языке морфема в составе слова относительно самостоятельна, а слово расшатано. С увеличением числа слогов в составе слова увеличивается число ударений. Ударенные слоги не выделяются резко за счет безударных, в которых поэтому не вызываются редуكتивные процессы. Известная самостоятельность и относительная выделенность морфем-словов обеспечивают стабильность качественной определенности гласных. Все это дает право заключить, что в потоке речи морфемное ударение получает известную самостоятельность и независимость от словесного ударения, которое лишается присущих ему акценто-выделительных и словоорганизующих свойств. Если, согласно мнению Р. И. Аванесова, в каком-либо языке, например, в русском, ударение при разноместности и подвижности есть признак словоформы, но не морфемы [25], то логично заключить, что в персидском языке, наоборот, при одноместности и неподвижности ударение становится признаком морфемы, но не слова или словоформы. Не обладая качествами индивидуального просодического признака слова и, следовательно, не относясь к сфере лексикологии, ударение в персидском языке ограничено используется и при словоизменении, и при словообразовании, так как и тут и там имеется только по одной возможной парадигме слов с одним возможным местом ударения (типа *диу́ар* — *диуа́ри* «стена — какая-то, одна стена»; *диу́ар* — *диуа́ри* «стена — стеной»), которые с этой точки зрения не противопоставлены соответственно никакой другой словоизменительной или словообразовательной парадигме слов. Приходясь на первый (*ми́гуи́м* «(я) говорю»), срединный (*амди́ди* «(вы) пришли») или последний слог слова (*марма́н* «угорь»), который во всех случаях является одновременно и последним слогом морфемы, персидское ударение проявляет свои акцентологические свойства прежде всего по отношению к морфеме. Оно ограничено подвижно и относительно разноместно не по отношению к слову, а к его морфологической части, что дает возможность дифференцировать словоизменительные и словообразовательные морфемы по их акцентному признаку: *дуст* «друг»; *дуст* «один, какой-то друг»; *дуст* «дружба». Фонетически оформляя не столько слово, сколько морфему, персидское ударение в первую очередь используется в сфере морфологии в ее фонологическом аспекте, иными словами, относится к морфонологии. Исходя из этого, все персидские морфемы по акцентному признаку мы подразделяем на: с л и н о у д а р е н и е (лексические⁴, словообразовательные и часть словоизменительных): *зай́м* + /θ⁵ «земля»; *сёрх* + /θ «красный»; *авёрд* + /ид «(вы) принесли»; *сёбз* + /и «зелень»; *дёрд* — + /на́к «болезненный»; *сөөл* + /бм «третий»; *кетаб* + /ханэ «библиотека»; *хат* + /кеш «линейка»; *бәһ* + /тә́рим «самый лучший»; *мӣ* + /ра́фтим «(мы) ходили»; *гол* + /һа́ «цветы»; с л а б о у д а р е н и е (лексические и часть словоизменительных): *данзӣ* + /бә́жу «студент»; *дәндә́н* + /пә́зеш «зубной врач»; *бә́зир* + /обә́бә́нд «облава»; *нә́мибин* + /а́д «(он) не видит»; *мә́дад* + /зә́мә́н «наш карандаш»; б е з у д а р и е (связочные и словоизменительные): *ра́нә* + /а + /ра́нә «пестрый»; *хә́р* + /ту + /хә́р «неразбериха»; *бә́радә́р* + /а́ + /бозо́рг «старший брат»; *дә́р* + /и «одна, какая-то дверь»; *дә́р* + /ра́ — «эту, определенную дверь»; *бә́* + /шә́һр «в город»; *горбә́* + /θ «кошка».

Из данной классификации видно, что лексические морфемы, обозначающие вещественные и абстрактные понятия, и словообразовательные морфемы, создающие слова с новыми понятиями подобного рода, как правило, маркируются, хотя и с разной степенью выраженности, ударением, которое постоянно приходится на последний слог этих морфем, совпадающий с последним слогом слова, либо производящей основы, ли-

⁴ Выделение и наименование морфем даются в соответствии с принципами морфемного анализа, разработанными Л. С. Пейсковым [23].

⁵ Знак θ показывает на наличие нулевой словоизменительной морфемы; знак — под морфемой указывает на ее безударность.

бо первого компонента сложного слова. Словоизменительные морфемы, наделенные категориальным значением и создающие словоформы от слов различных частей речи, показывают наибольшее разнообразие по своей акцентной маркированности: они могут быть как сильно-, слабуюдаренными так и безударными. В ударенных морфемах ударение также падает на их последний слог, который может совпадать, однако, не только с конечным, но и с начальным слогом слова, например, в глагольных формах.

Таким образом, в русском языке благодаря ударению слово формируется в виде монолитного блока, «выделяемого» на акустическом уровне; слоговые границы не выходят за рамки слова, что в противном случае вело бы к неразличению смысла в парах слов типа *гадюку|били* и *гадюк|убили*; распределение ударений происходит не по морфемному принципу; фонетическое членение не совпадает с семантико-морфологическим; ударение носит словесный характер; его разноместность и подвижность определяют возникновение и функционирование в языке слов с вариативным ударением (*бáржа* — *баржá*).

В персидском языке ударение не является индивидуальным признаком отдельного слова; благодаря ярко выраженной агглютинации и отсутствию аффиксального синкретизма морфемные границы просматриваются достаточно четко; фонетическое (слоговое) членение совпадает с семантико-морфологическим; распределение ударений происходит по морфемному принципу; слово расшатывается; морфема получает определенную самостоятельность, что находит отражение даже в раздельном написании морфем в графике (*китаб* + *há* «книги»; *мí* + *нэвисám* «(я) пишу»; *дандш* + *амúз* «ученик»); ударение носит морфемный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валигина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И., Цапункевич В. В. Современный русский язык. М., 1966, с. 75.
2. Современный русский язык. М., 1971, с. 128.
3. Редькин В. А. Акцентология современного русского литературного языка. М., 1971, с. 5.
4. Брицун М. А., Кононенко В. И. Современный русский язык. Киев, 1983, с. 84.
5. Златоустова Л. В. Фонетическая природа русского словесного ударения. Л., 1953.
6. Бондарко Л. В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л., 1981, с. 54.
7. Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. Основы общей фонетики. Л., 1983, с. 89.
8. Современный русский язык. Ч. I, М., 1979, с. 91.
9. Русская грамматика. Т. I, М., 1980, с. 90.
10. Акишнина А. А., Барановская С. А. Русская фонетика. М., 1980, с. 22.
11. Поляков К. И. Теоретическая фонетика современного литературного персидского языка: Курс лекций. М., 1977, с. 159.
12. Иванов В. Б. Акустические характеристики словесного ударения в персидском языке. (Опыт экспериментального исследования): Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1975.
13. Рубинчик Ю. А. Грамматический очерк персидского языка. — В кн.: Персидско-русский словарь. Т. II, М., 1985, с. 798—799.
14. Рубинчик Ю. А. Фразеология персидского языка: Дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. М., 1975.
15. Киселева Л. Н. Язык дари Афганистана. М., 1985, с. 32.
16. Аванесов Р. И. Ударение в современном русском литературном языке. М., 1958.
17. Мамедова А. В. Фонетическая природа и место словесного ударения в современном персидском языке (в свете экспериментальных данных): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Баку, 1972.
18. Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974, с. 100—101.
19. Виноградов В. А. Консонантизм и вокализм русского языка. (Практическая фонология). М., 1971, с. 19.
20. Щерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912.
21. Жинкин Н. И. Восприятие ударения в словах русского языка. Известия АПН РСФСР, 1954, № 54, с. 52.
22. Бернштейн С. И. Основные понятия фонологии. — ВЯ, 1962, № 5.
23. Пейсиков Л. С. Очерки по словообразованию персидского языка. М., 1973.
24. Поляков К. И. Некоторые фонетические процессы и явления на стыках морфем в современном литературном персидском языке (Экспериментально-теоретическое исследование): Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1972.
25. Аванесов Р. И. Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы. — В кн.: Вопросы грамматического строя языка. М., 1955, с. 121.